

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-42>

УДК 882

МОРТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Р. СЕНЧИНА

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

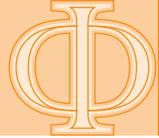
К началу двадцать первого столетия смерть человека становится знаковой темой художественной рефлексии, в современном общественном сознании возникает представление о ней как об обычном явлении жизни. Мотив смерти – один из ключевых в творчестве Р. Сенчина, он проявляется на уровне проблематики произведений «Зона затопления», «Елтышевы», «Жить, жить». В статье анализируется комплекс мортальных мотивов, связанный с осмыслением смерти как личной драмы «маленького человека» и как травматического опыта нынешней эпохи в целом. Сенчин рисует не только драму семьи, души, но предвещает апокалиптический конец эпохе, забывшей заветы прошлого, традиции, вступившей на путь деградации и смерти.

Ключевые слова: *мортальные мотивы, смерть, обряд, обычай, похороны, апокалипсис.*

Интерес к проблеме смерти помогает освоить нравственное пространство современной прозы. Однако особенности построения мортального сюжета, заключающиеся одновременно и в апелляции к классическим структурам, и к созданию расширяющегося поля интерпретаций текста, останутся не проясненными без обращения к истории мотива смерти, особенностям его воплощения в актуальной прозе.

Целью статьи является изучение мортального сюжета в прозе «нового реализма» (на материале произведений Р. Сенчина). В связи с этим соотносятся конкретные задачи: феномен смерти в современном мире радикально отличается от вековых представлений человека о смертном существовании, поэтому прежде всего необходимо понять, как менялось представление о смерти в истории русской литературы, и определить ключевые мортальные мотивы, образы в литературе XXI века.

В русской литературе вопрос о смерти является одним из ключевых. С древних времен мудрецы размышляли о смерти как о загадочном явлении и отчаянно пытались составить истинное представление о ней. Вспоминаются известные слова Эпикура: «...Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» [Мотрошилова, 2000, с. 366]. Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли в форме кантовской «вещи-в-себе», существующей в бытии, но бытийной сущностью не обладающей.

Литературный опыт описания смерти обладает не менее глубокой историей, чем философский. Тема смерти актуальна для античной мифологии и литературы. Эпическая поэма Гомера «Илиада» – одно из первых художественных произведений, где смерть появляется в образе «Троянской войны». В творчестве афинского драматурга Софокла формируются и первые устойчивые связи танатологических элементов с другими мотивами – рока и наказания [Красильников, 2007, с. 25]. Смерть и страдания расценивались уделом людей, исполнением воли богов, которые отличались от земных обитателей бессмертием, вечной молодостью и отсутствием страданий. Однако античное отношение к смерти основывалось на понимании ее как феномена, который неведом для живущих и потому не должен страшить их.

В славянской древности смерть является лишь границей, после которой начинается «новая жизнь». Славяне верили, что смерть не конечный этап их существования, за смертью всегда следует возрождение. «Переходный» период умершего заканчивался на земле с его уходом в иной мир, но он мог вернуться на землю вновь, в любом другом облике, в том числе и в лице своего потомка. Смерть всегда метаморфоза времени. Поэтому усадьбы людей располагались вблизи могил и курганов, имеющих статус Мировой оси. Таким образом, «формируется идея загробного путешествия умершего к некой сакральной точке, где его ждет воскресение, сопряженное с различными препятствиями, переходом через «мост» [Ковтун, 2014, с. 267].

В Средние века после принятия христианства смерть тесно связана с первоначальным грехом. В Священном Писании много раз повторяется, что Бог не сотворил смерть, но смерть вошла в мир через грех Адама. Яркий пример христианского отношения к смерти – жития святых. Основными идеями главных персонажей этих летописей стали беспрекословное служение Богу, прижизненное усмирение плоти. Смерть можно преодолеть путем веры в Бога, тем самым праведники после окончания жизни погружались в сон, который будет длиться «до конца времен», до второго пришествия Христа, после чего все, кто вел праведную жизнь, пробудятся и войдут в Царствие Небесное. Появляется четкая граница между мирами живых и мертвых. Место захоронения теперь вынесено за черту города. После крещения Руси хоронить людей стали возле церквей. Это связано с «верой воскресения плоти, соединившейся с культом древних мучеников и их гробниц» [Ковтун, 2014, с. 267].

Существовала модель «хорошей смерти»: человек обычно надеялся на представление в кругу родных и близких после определенной системы подготовительных действий. Путь к месту погребения, похороны и поминки часто сопровождались действиями вековых традиций и обычаев. Так, Н.В. Ковтун обратила внимание, что «в русском средневековье складывается устойчивый обряд прощания, где огромное место занимают меры, помогающие умершему преодолеть переход из одного мира в другой. Посмертное существование воспринимается как продолжение земного бытия» [Там же]. Вместе с этим Д.Д. Фрэзер,

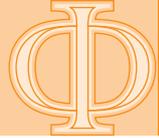
исследовавший подобные проводы, говорит о значении скорби по умершим на Руси: «Во всех славянских странах с незапамятных времен придается большое значение громкому выражению горя по умершим» [Фрэзер, 1986]. Массовое горе средневековых людей вступало в противоречие с христианским учением, воспринимавшим смерть как конец земных страданий. Соблюдение траура на похоронах восходит к язычеству, которое считало смерть утратой всех земных благ, что выражалось в плачах по умершим. До конца XVII века на Руси тема смерти сопрягается с темой спасения, которая излагалась в форме поучения, жития, видения, слова, летописи и т.д.

Русская литература XVIII века создавалась в условиях постоянно расширявшихся, оживленных контактов России и Запада, поэтому данный период часто называли периодом «ускоренного» развития литературы – менее чем за сто лет русская литература прошла путь, на который большинству западных стран потребовалось длительное время. XVIII век можно охарактеризовать как период переоценки ценностей. С началом Петровских реформ в сознании людей постепенно происходят изменения в отношении к жизни и смерти.

Литература XIX века признана классикой. К этому времени «смерть начинает осознаваться как событие печальное и предлагаются разные возможности ее преодоления. Исследователи связывают это обстоятельство с секуляризацией сознания и ослаблением веры в вечную жизнь» [Ковтун, 2014, с. 267]. Однако в русской традиции остается установка на спасение собственной души в преддверии смерти, поэтому писатели той эпохи ставят перед собой цель утвердить в умах и сердцах своих читателей мысль о бессмертии души (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»). Тем не менее эта нравственная жизненная позиция не указывает на то, что смерть пощадит человека. Мотив смерти – один из сюжетообразующих конструкций произведений XIX–XX веков. Писатели этого периода знаменуют смерть как явление, независимое от воли человека. Она предстает в образе непостижимой злой силы, порожденной неумолимыми законами природы.

В XX веке человеческая жизнь обесценилась и смерть приобрела безграничную власть, стала полновластной хозяйкой жизни. Это связано в первую очередь со сталинским режимом и Второй мировой войной. Воскресает идея бессмертия именно тогда, когда миллионы людей в страшные времена превратились в материал для смерти. Человек после смерти обратится в прах, его тело истлеет в брошенной безымянной могиле после массового расстрела, или на лесоповале ГУЛАГа, или на поле битвы.

Важнейшей художественной тенденцией в развитии русской литературы конца XX века является обращение традиционалистов к мортальным мотивам. Для поэтики направления наиболее значимым является осмысление смерти как выхода в метафизическое пространство. Н.В. Ковтун, анализируя творчество В. Распутина, отмечает, что в произведениях писателя «смерть предстает как раздвижение личного пространства в пределы метафизического, умирающий осознает бесконечность собственного бытия через сращенность с родом, памятью земли»

[Ковтун, 2014, с. 275]. Так как именно со второй половины XX века возрождаются православные представления о смерти, восстанавливается ценность таких категорий, как ритуал, обычай, обряд. «Невозможность „умереть по правилам“ деморализует личность, рождая чувство оставленности в „чужом“ бытии» [Там же]. Появляется новый герой, который способен преодолеть смерть путем метафизического опыта. На страницах традиционалистской прозы писатели делают акцент на «бессмертии души», воссоздается онтологическая ценность человеческого существования.

В литературных текстах постмодернизма преодолевается страх смерти признанием ее формой существования. Писатели-постмодернисты иронически относятся к вопросу о смерти. Они признают ее либо философским фактором абсурда, либо причиной бытия (В. Пелевин «Ника»). Авторитетной становится игра, манипуляция с мортальными мотивами как сюжетообразующим элементом произведения. Мортальные мотивы в литературе проявляются в различных вариациях. С одной стороны, о смерти можно говорить как о физическом явлении, с другой – как о метафизическом. Однако феномен смерти и вместе с ней возрождения представляет собой два неразрывных понятия, которые дополняют друг друга, закреплены в традиции, сакрализованы.

Русская интеллектуальная проза последних 20 лет ставит перед собой те же вечные вопросы, которыми задавались писатели и философы ушедших эпох. В частности, перед героями XXI века по-прежнему стоит вопрос самоопределения, поиска своего места в мироздании и смысла собственного существования. В связи с этим в художественном дискурсе мотив смерти проявляется на уровне основной проблематики произведений Р. Сенчина «Зона затопления», «Елтышевы», «Жить, жить» и т.д., который осмысляет как травматический опыт отдельно взятой эпохи, так и личную драму «маленького человека» или семьи. Проза Романа Сенчина относится к так называемому «новому реализму», литературному феномену, который заявил о себе в начале двухтысячных годов [Ковтун, 2016, с. 52–65]. Новый реализм «возвращал литературе реальность». Обнаженная социальность прозы Р. Сенчина, критический взгляд на современное мироустройство, обращение к «маленькому человеку», описание бытовой среды и сопричастность с системой политической власти, говорят о прочных связях с поэтикой реализма.

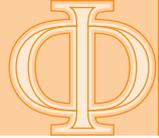
Отношение к смерти в эпоху «маленького человека» сводится к проблеме отчуждения субъекта от собственного тела и бытия. Р. Сенчин повествует о человеке, который захвачен размышлением о смерти в контексте признания абсурда человеческого существования, устремленного к ничто. «Нет помощи», – к этой идее приходит автор и реализует ее в образе Николая Михайловича, героя романа «Елтышевы». В прозе Р. Сенчина нет места Богу и вере в одухотворенные силы, отсутствует система мистических представлений. По мнению критика А. Татарина: «Из пустоты существования рождается образ агрессивного ничто, которое проявляет себя не в безволии постсоветского обывателя, а в ярко выраженной воле к несуществованию, к бесповоротному уничтожению» [Татарин, 2013, с. 361].

«Елтышевы» – один из самых сильных романов 2009 года. Впервые настоящим бестселлером стала книга о деградации семьи в условиях русской деревни. После выхода в свет «Елтышевых» Р. Сенчин «окончательно закрепил за собой титул бытописателя вульгарности серого цвета» [Молданов, 2013, с. 303]. В романе Сенчина события разворачиваются и в городе, и деревне. Оба локуса в «Елтышевых» предстают ипостасями единого катастрофического пространства. Безымянный город – земля несбывшихся надежд и сломанных судеб. В его истории прослеживается динамика угасания. Если на заре семейной жизни Елтышевых город – это благоустроенные дома, широкие улицы, то некоторое время спустя он становится чужим и приобретает неприглядный вид: «Их четырехэтажный дом, один из первых построенных в городе многоквартирных, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особо обшарпанным <...> ведь очень скоро этот дом будет для нее и ее семьи чужим, им тут скоро не жить» [Сенчин, 2017, с. 24].

Другим ликом катастрофического пространства в романе становится сибирская деревня Мураново. Образ деревни описан по аналогии с пространством ада – место наказания грешников, испытывающих в нем муки и страдания после конца мира. Здесь наличествуют все приметы процесса упадка: безработица, алкоголизм, наркомания, преступность. Смысловыми ориентирами деревенского пространства становятся образы дома, кладбища, леса, несущие постапокалиптический характер. Дом тетки Татьяны, куда переехала семья Елтышевых, – это конкретный пространственный уголок, где жили отцы и деды, где будут жить дети и внуки.

Местоположение дома в пространстве изначально определяло представления человека о мире: дом задавал границы между пространством внутренним, своим, понятным, привычным, соответствующим традиции, и внешним, чья действительность была чужда обжитому домашнему миру. Героям романа, Елтышевым, в доме тесно и душно. Дом преобразовывается в замкнутое пространство тяжелых дум и преступных помыслов. Нехватка денежных средств, болезни, нескончаемые приступы апатии и регулярные семейные ссоры не содействуют строительству нового дома, напротив, разрушают его. История обветшания усадьбы в романе отражает динамику разложения человеческой души [Тетерина, 2019]. Хозяйка дома, тетка Татьяна, хранительница семейного очага и родовой памяти, будет убита главой семейства Николаем Елтышевым. Вскоре он убьет и родного сына Артема – «недоделанного», бессознательного адепта обломовщины.

Если в романе «Зона затопления» разрушительное начало олицетворяет государство, то в «Елтышевых» – глава семьи. В произведении образ библейского патриарха, осваивавшего новые земли в поисках лучшей жизни для семьи, превращен в образ древнего бога Кроноса, пожирателя собственных детей. Кроническое начало является символом всепоглощающего времени. Образ Николая Елтышева соотнесен с мифическим существом, которое захватывает и уничтожает все сущее: дом, сына, тетку, соседа и т.д. Дом – сакральное место и символ упорядоченного пространства. В романе он начинает видоизменяться в напоминающий могилу котлован, где время движется циклично, образуя замкнутый круг, из которого не выбраться.

Единство человека и природы – «вечная» философская тема – получает в современной литературе расширенное, всеобщее значение. В романе Р. Сенчина природа изображена как враждебная по отношению к человеку сила. В описании деревенского пейзажа присутствуют образы и символы смерти: «Все, что еще зелено, стало черным, потекло, словно гноем, мертвым травяным соком» [Сенчин, 2017, с. 182]. Лейтмотивом повествования становится образ дождя, который свидетельствует о глобальном, внешнем и душевном, распаде: «В городе дождь был другим – от него легко было спрятаться, забыть, что он есть. А здесь, даже если уши заткнуть, зажмуриться накрепко, все равно спрятаться не удавалось – дождем пахло даже в теплой избе, волей-неволей представлялось, как влага точит доски, бревна, разъедает железо, шифер, бетон» [Сенчин, 2017, с. 125]. Традиционно в разнообразных сакральных текстах говорится о погружении духа в темные воды, и нередко при этом сама вода есть тьма. «Души ваши вы погрузили в воду тьмы, вы последовали за желаниями вашими» [Апокрифи..., 1989], – говорится в апокрифическом Евангелии от Фомы. К. Юнг рассуждал о том, что вода олицетворяет «жизненный символ пребывающей во тьме души» [Юнг, 2019]. Таким образом, в романе образ воды символизирует падение и греховность человеческой души.

Роман «Елтышевы» пронизывают моральные мотивы: «Мрут и мрут, мрут и мрут... В войну с нашего Муранова семнадцать мужиков погибло <...> Но то война, пулеметы, танки, а тут, если посчитать, за последних пять лет больше наберется... И что ж это – это ведь все так перемрут, переубивают друг дружку» [Сенчин, 2017, с. 135]. В тексте множество насильственных смертей, подтверждающихся следующими эпизодами: Николай Елтышев убивает тетку, а затем родного сына; Олегжон во время пьянки зарезал сапожника; гибнет и младший сын Елтышевых Денис, которого местные жители ткнули заточкой, и т.д. Жизнь в деревне нередко заканчивается смертью, ставшей для жителей Мураново обыденностью. Даже Валентина Викторовна с тоской и безысходностью ждала наступление смерти, призывая ее и молча завидуя смерти мужа: «...он вот отмучился, а ей тянуть эту ненавистную ляжку неизвестно еще сколько...» [Сенчин, 2017, с. 235].

Отход от традиционных норм жизни – процесс, который непрерывно фиксируется исследователями на протяжении последнего столетия. Такова, в частности, ситуация с трансформациями похоронного обряда. Процесс похорон постепенно видоизменяется и приобретает новые формы. В этом контексте интересно вспомнить один из лучших рассказов В. Распутина «В ту же землю...», где заявлен новый ритуал прощания, объединяющий героев не по крови, но по чувству духовного родства [Ковтун, Степанова, 2015, с. 144–151].

Р. Сенчин спустя шесть лет в романе «Зона затопления» покажет, как благодаря индустриализации меняются жизненные ориентиры людей, происходит исчезновение традиций и обычаев. Напомним, что после эксгумации тел бывших жителей деревень перезахоронили в городе «в низине, где был чахлый осиновый лесок» [Сенчин, 2016, с. 377]. В романе «Елтышевы» автор демонстрирует похожую картину: «Кладбище находилось почему-то не в сосновом бору,

обступающем деревню с северо-запада, а напротив – у подножия холма, в сырой, заросшей чахлым осинником низине» [Сенчин, 2017, с. 163].

Издревле в русских народных представлениях осина – проклятое дерево. У восточных славян распространено поверье, что на осине повесился Иуда, отчего у осины дрожат листья [Борисова, 2014, с. 42]. Осина – символ предательства, смерти. Не случайно Р. Сенчин делает акцент на кладбище, расположенном «в низине». Традиционным местом для захоронения являлись возвышенные участки земли. Автор показывает, что произошло угасание традиций, обычаев, а с ними и национальной культуры. В романе «Елтышевы» полностью нарушены структура и смысл похоронного обряда как обряда перехода в иной мир: «Заколо-тили гроб, криво опустили на веревках в яму. “Надо ведь по обряду на полотенцах опускать, – вспомнилось Валентине Викторовне, – а потом разрезать и раздать...” ...Сыпнули по горсти земли на крышку, а потом мужички взялись за лопаты, быстро забросали яму» [Сенчин, 2017, с. 164].

Елтышевы полагали, что Мураново – промежуточный этап их жизни, оказался – конечный. Спасение семьи Елтышевых возможно только при одном условии: если объединяться, если будут одним целым – семьей, а не ячейкой общества. «Елтышевы» – история об отсутствии воли к жизни. «Лучший ужасный конец, чем ужас без конца» [Молданов, 2013]. Перед нами картина потерянной жизни, сломленных судеб. Бездействие и отсутствие духовно-нравственных ориентиров в нынешней реальности приводит семью Елтышевых к вырождению – к будущему без поколения. Роман зафиксировал не частную ситуацию, а глобальный социальный и духовно-нравственный упадок русского народа, по сути, очередную национальную катастрофу. Деграцию семьи Елтышевых необходимо рассматривать шире, как деграцию русской провинциальной жизни, да и всей современной русской цивилизации. Как выразился Е. Молданов, «деревня Мураново – это раковые опухоли на теле современной провинциальной России» [Молданов, 2013].

Рассказ под названием «Жить, жить», написанный в 2009 году, еще одно произведение Р. Сенчина с мортальным сюжетом. Автор поднимает тему самоубийства как следствия кризиса смысла человеческого существования. Добровольная смерть героя или готовность к ней в решающий момент становятся доказательством того, что современный человек ощущает неполноту бытия, утрату гармонического единения с окружающим миром, что, в свою очередь, повлекло за собой чувство глобального раскола культуры и общества. В рассказе «Жить, жить» на первый план выходят размышления о самоубийстве двух «маленьких человечков». Погруженные в размышления о смерти, герои рассказа Володя и Роман делаются различными способами избавления от жизни: либо в петлю, либо наглотаться таблеток. К такому решению их подталкивает бессмысленность собственной жизни. «По большому счету, Вов, мы свою миссию исполнили: в армии послужили, произвели по два гражданина России, так или иначе их обеспечили... Ты кредит за квартиру свою выплатил? – Володя кивнул. – И я тоже... В целом – оправдали свое пребывание. А остальное... Я не хочу больше мучиться, бегать и

искать... Меня завтра выкинут из агентства, и куда проситься?» [Сенчин, 2011, с. 267]. Апатия героев – итог разочарования в собственном пути, жить стало неинтересно: «А смысл страданий какой?». Не интересно жить, чтобы только не умереть, – апатичный герой Сенчина, отрицая власть необходимости, косвенно утверждает свободу человека выбирать, во имя чего суетиться. Все, что достигнуто в жизни, все это совершено как дань абсурдному сну, от которого героев так и тянет «проснуться» в настоящее забвение смерти.

В рассказе «Жить, жить» отчетливы черты пространства смерти. Герои ведут диалог о самоубийстве там, где «тесный, душный подвальныйчик с несколькими липкими, „стоячими” столиками...» [Сенчин, 2011, с. 260]. Роман и Володя – бунтари, маргиналы. Вопрос «А стоит ли жить?» сводится к осознанию того, что страдания бессмысленны, ход времени невозможно изменить или повернуть вспять. Для них жизнь не имеет никакой ценности, они даже жалеют о том, что вообще на свет появились, упрекая родителей: «А я не просил, чтобы меня рожали. Зачем вы меня родили?» [Сенчин, 2011, с. 263]. По мнению В. Пустовой, проблема кроется в беспочвенности: «Беспочвенность в прозе Сенчина – это катастрофическая непрочность человека в принципиально устойчивых обстоятельствах. Экзистенциальный ужас будней – в их безличности, принудительности и беспредельности. Повседневность – единственный несломленный ориентир человеческого существования, но это не почва, а «тина» [Пустовая, 2013]. Каждая из попыток индивидуальности освободиться от власти безличного, обобщенного закона терпит крах: «Мир не перевернулся». Данность – «безразличная, объективная, все принимающая почва» – пронизывает все планы бытия человека, но в этой тотальности заключена невозможность осознания ее как опоры [Пустовая, 2013]. Если в каждом движении жизни заложена смерть, то значит, мы заведомо лишены жизни; если каждое наше достояние принадлежит времени, значит, мы сами не обладаем ничем. Иллюзии мира должен быть возвращен ее сущностный облик – нуля.

В романе «Елтышевы» так же, как и в рассказе «Жить, жить», Р. Сенчин обнажает человеческие пороки, размышляет о том, что главная цель человека – «просто жить», иметь квартиру, машину и дети чтобы были обуты-одеты. Когда цели достигнуты, возникает серьезный вопрос: зачем жить дальше? Герои ответа не знают. Так и начался процесс самоуничтожения. За проблемой выживания маленького человека в реалии нового мира встает проблема его, в религиозном смысле, спасения. Однако Сенчин такого Спасения не видит. Моральный сюжет рассказа «Жить, жить» строится на мотиве самоубийства и связывается, прежде всего, с потерей смысла жизни. Автор указывал, что экзистенциальная тревога переживается как ужас перед безнадежностью, ощущение пустоты и бессмысленности существования.

В 2015 году выходит в свет роман «Зона затопления», где константой является мотив смерти. Если в предыдущих произведениях Р. Сенчина моральный сюжет строился на истории одного человека или семьи, то в романе «Зона затопления» автор поставил под угрозу исчезновения целую эпоху. В главе-рассказе

«В чужую землю» Сенчин отсылает читателя к претексту – рассказу «В ту же землю...» В. Распутина. Роман начинается с естественной, без насилия смерти одинокой женщины Натальи Сергеевны. Жители деревни вспоминали обычаи похорон: «Окна нельзя открывать!.. Травы надо положить! – Какую траву-то кладут?.. – Чабрец, помню... Помните, тетя Тоне чабрец клали. – Не забыть кого-нибудь за пихтой послать! Пускай наломают...» [Сенчин, 2016, с. 17]. Так, в повести «Прощание с Матерой» Дарья решила привести свою избу в порядок перед поджогом, словно покойника перед захоронением, но столкнулась с трудностью: «И чего не хватало еще, ей тоже сказало. Она взглянула в передний угол, в один и другой, и догадалась, что там должны быть ветки пихты?» [Распутин, 2017, с. 504]. Р. Сенчин пишет о пихте, потому что у В. Распутина – это символ памяти. Именно память об ушедшей эпохе сохраняет элементы патриархальной культуры, обряда, без памяти человек и народ «не жилец».

Проблема памяти является краеугольным камнем в произведении Р. Сенчина. Вековые традиции и обычаи русского народа исчезают под влиянием научно-технического прогресса. Если у В. Распутина в «Прощании с Матерой» еще существует связь между поколениями, сохраняются знания основ народной жизни, то у Р. Сенчина связь между поколениями окончательно прервана: «В деревне давно уже никто не умирал. Стариков увозили в город в больницу, они умирали там; молодежь, что раньше дралась, тонула, травилась спиртом или билась на мотоциклах, разъехалась» [Сенчин, 2016, с. 16]. Так создается образ мира без будущего, где господствует Танатос.

О времени постапокалипсиса в романе говорит и окружающий героев ландшафт наступающего кладбища: «Тропка почти исчезла, справа и слева сдавливала пространство подсушенная заморозком, но еще живая, злая крапива <...>. Задом кладбище выходило к мокрому логу, богатому голубикой и смородиной, а за логом начиналась – темная, непролазная – тайга. Но в последние годы медведи и прочее зверье к деревне не приближалось – словно знали, что скоро здесь ничего не будет. Лишь стоячая кислая вода с червивой рыбешкой...» [Сенчин, 2016, с. 18–19]; сельская местность: «Дикие травы засыпали огороды, дворы, улицы семенами, сосны и ели швыряли расщеперенные шишки; на срубках поселялся мох, расползлся по плахам крыш лишайник. Снег и ветер валили заборы, дождь разъедал бревна, доски, сляги, по стайкам шастали лисы, на чердаках и вышках строили гнезда белки, долбили городьбу дятлы» [Сенчин, 2016, с. 77]; и заброшенные города: «Стоят теперь в болотах, в тундре облупившиеся многоэтажные дома, ржавеют трубы котельных, качели на детских площадках, обваливаются памятники, крошится асфальт тротуаров» [Сенчин, 2016, с. 191].

Постапокалиптические образы заброшенных территорий, остановившихся предприятий, «городов-призраков» с полуразвалившимися зданиями перекликаются с образами героев произведения. В романе герои подобны зомби – «ожившему трупу», утратившему всякий контроль над собственным разумом. «В результате зомбирования формируется новый тип человека – человекоподобного рабочего,

раба, послушного исполнителя чьей-то воли, с зашоренным сознанием и парализованной собственной волей» [Безрукова, 2000]. Государство как мощная всеохватывающая машина ставит свои интересы выше интересов людей, тем самым подавляя волю частного человека. Таким образом, появляется новый тип героя – безразличный, отстраненный, не способный отстаивать собственные интересы перед лицом власти, как Дмитрий Масляков. Его принуждают поджечь лесопилку собственными руками, и он на это идет. Тогда проблема выбора сводится к исполнению одним лицом воли другого, сильнеешего. Сломленный человек вынужден приспособливаться к правилам конкретного общества, власти, успокаивая себя неизбежностью: «Привыкнем... привыкнем. Куда деваться?» [Сенчин, 2016, с. 197].

В романе «Зона затопления» образ кладбища – ключевой. В начале произведения Р. Сенчин изображает кладбище в соответствии с христианской традицией, оно располагалось «на пологом, долгом увале. Песок, высокие сосны, а среди них – могилки» [Сенчин, 2016, с. 18]. Однако после эксгумации тел их перезахоронили в городе «в низине, где был чахлый осиновый лесок» [Сенчин, 2016, с. 377]. С древних времен кладбища на Руси располагались на возвышенных местах в рощах. Процесс погребения сопровождается целым рядом архаичных церемоний. Для патриархального общества очень важно было соблюдать похоронные обычаи, поскольку от должного ритуала зависит переход души в иной мир. В культуре различных народов существует заповедь, гласящая: «не тревожь дух усопших», тело умершего неприкосновенно, после того, как тело покойного предано земле, его не следует тревожить [Михайленко, 2016].

В главе «Эксгумация» древняя заповедь нарушена, для героев романа это оборачивается болезнями, смертями, нервными срывами. После эксгумации останки тел «гниют вдали кучей, вырыли траншеи и поклали кости покойников из их Пылева, из Кутая, Косого Быка, Большакова...» [Сенчин, 2016, с. 377]. А ровные ряды однообразных крестов на новом кладбище напоминают Игнатию Андреевичу фотокарточки захороненных в России немцев во время войны. Н. Ковтун в работе, посвященной роману, отмечает: «Немцы изначально выступали проводниками европейской культуры, „не-нашими“, „захватчиками праведной земли“ (вплоть до фашистов), смысл метаморфозы предельно ясен: русские люди на собственной родине стали „чужими“, власть воспринимает их как врагов. Крестьянам не дано не только жить, но и умереть на своей земле» [Ковтун, 2017].

Картиной смерти книга и заканчивается, умирает уже не конкретный человек, а целая эпоха. В заключительной главе романа «Идет вода» автор демонстрирует страшную сцену затопления ранее перенесенного кладбища. Вода идет в сторону кладбища, топит могилы, но не умершие в могилах тонут, а живые. По Р. Сенчину, тонет человечество и переселять его уже некуда: «Людей переселят, дома сожгут, чистку проведут – и нет больше того жизненного уклада, с его традициями, обычаями. И на том месте, где когда-то кипела жизнь, где одна жизнь сменялась другой, не будет ничего – только вода, огромное количество воды. Рукотворное море положит начало новому миру – бездушной бюрократии, двигатель которой уже начал набирать обороты» [Сенчин, 2016].

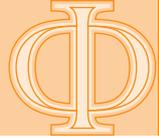
Страна – огромная зона затопления: от Дальневосточного до Северо-Кавказского федерального округа идет вода и топит. В финале романа вода появляется неожиданно, заполняет пространство человеческого мира, пожирая мертвых и обнажая страх живых: «Меж холмиков, как какие-то щупальца, ползла вода», «концы этих щупальцев словно проваливались в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальца дальше», «этих щупальцев становилось все больше...» [Сенчин, 2016, с. 378].

«Гидра», подобно лернейскому чудовищу, пожирает все на своем пути, и противостоять ему уже некому, люди утратили веру, власть же воспринимается враждебно. Обещание цивилизационного процветания оборачивается гибелью земель, людей, экологическим бедствием. У отчаявшихся героев появляется страшное желание – «уснуть и не проснуться». Мотив конца, затопление деревень совпадает со смертью персонажей. «Перед нами не метафизический конец, не конец света. Перед нами пусть болезненный, но конец очередной эпохи, который, в отличие от конца эпохи предшествующей, оказался вдруг лишенный перспективы» [Морозов]. Почему такое стало возможно – предмет другого исследования. Здесь – лишь констатация процессов, запущенных в 1990-х и за прошедшие без малого тридцать лет создавших «нового человека». Каков он – об этом свидетельствует семейный эпос романа Р. Сенчина – «Елтышевы».

Итак, с древних времен и до наших дней литературный дискурс демонстрирует непрерывное усложнение семантики концепта «смерть». Смерть как ключевое событие сюжета приобретает качественно новые характеристики в литературных текстах разных эпох. В литературе XXI века сюжетно-композиционные схемы морального события по-разному воплощаются в художественной ткани реалистических произведений Р. Сенчина. Автор ищет убедительную и наиболее острую по воздействию на своего читателя художественную форму, стараясь показать тяжелое состояние современного мира и человеческой души, вступившей на путь деградации и смерти. В творчестве Р. Сенчина смерть становится сюжетообразующим элементом произведений. Мы выделяем моральные мотивы самоубийства, убийства, морально-нравственной деградации (духовной смерти), апокалиптической катастрофы. Под гнетом беспочвенности современного мира рождается новый герой – маргинал, для которого смерть стала заурядным, обыденным явлением окружающей действительности.

Библиографический список

1. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; редкол.: А.Ф. Окулов (пред.) и др. М.: Мысль, 1989. С. 219–262.
2. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург: УГППУ, 2000. 937 с.
3. Борисова Л.В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2014. № 1. С. 34–45.

4. Ковтун Н. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В. Распутина, «Учение ЕПС» В. Ерофеева и «Отрицание траура» С. Шаргунова) // LITERATURA. 2016. № 58 (2).
5. Ковтун Н.В. Интуиция смерти и опыт ее переживания в позднем творчестве В. Распутина // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к новому времени. Ответственный редактор И.В. Силантьев. М.: Изд-во: Омега Принт. 2014. С. 267–277.
6. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4 (17). С. 81–87.
7. Ковтун Н.В., Степанова В.А. Трансформация погребального обряда в поздних рассказах В. Распутина // Вестник КемГУ. 2015. Вып. 2 (62). Т. 4. С. 144–152.
8. Красильников Р.Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 140 с.
9. Михайленко И.А. К вопросу о религиозно-этических проблемах производства эксгумации // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 149–152.
10. Молданов Е. Злокачественная биопсия семьи Елтышевых // Все о Сенчине. В лабиринте критики. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
11. Морозов С. Хроники «потопа» [Электронный ресурс].
12. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад – Россия – Восток. 3-е изд. М.: «Греко-латинский кабинет»® Ю.А. Шичалина. 480 с. 2000. Кн. 1: Философия древности и средневековья.
13. Пустовая В. Иск маленькому человеку // Все о Сенчине. В лабиринте критики. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
14. Распутин В. Прощание с Матерой: повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 608 с.
15. Сенчин Р.В. Зона затопления: роман. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 381 с.
16. Сенчин Р.В. На черной лестнице: рассказы / Роман Сенчин. М.: Астрель, 2011. 347 с.
17. Сенчин Р.В. Срыв: проза жизни. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 608 с.
18. Татарин А. В диалоге со смертью // Все о Сенчине. В лаборатории критики. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
19. Тетерина Е.Н. Функция антипасторальной топики в романе Р. Сенчина «Елтышевы» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 196–207.
20. Фрэнгер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1986. С. 415.
21. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2019. 224 с.

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – магистрант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-10-2-42>

MORTAL MOTIVES IN WORKS BY R. SENCHIN

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

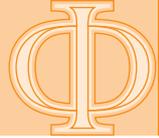
Abstract

By the beginning of the twenty-first century, death of a person becomes an iconic theme of an artistic reflection, and in the modern collective consciousness there is an idea of it as an ordinary phenomenon of life. A motive of death is one of the basic in R. Senchin's works. It is manifested at a problematic level in the works "Zone of Flooding", "The Eltyshevs", "Live, Live". The article analyzes a complex of moral motives associated with the understanding of death as a personal drama of a "little man" and as a traumatic experience of the current era in general. Senchin represents not only the drama of a family, a soul, but also predicts an apocalyptic end to the era that has forgotten the precepts of the past, traditions that have entered the path of degradation and death.

Keywords: *mortal motives, death, rite, custom, funeral, apocalypse.*

Bibliographicheskij spisok

1. Apokrify drevnih hristian: Issledovanie, teksty, kommentarii / Akad. obshchestv. nauk pri CK KPSS. In-t nauch. ateizma; redkol.: A.F. Okulov (pred.) i dr. M.: Mysl', 1989. S. 219–262.
2. Bezrukova V.S. Osnovy duhovnoj kul'tury (enciklopedicheskij slovar' pedagoga). Ekaterinburg: UGPPU, 2000 g. 937 s.
3. Borisova LV. Koncept "derevo" kak lingvokul'turnyj kod // Vestnik MGGU im. M.A.Sholohova. 2014. № 1. S. 34–45.
4. Kovtun N. Aktual'naya literatura v zerkale manifestov ("Moj manifest" V. Rasputina, "Uchenie EPS" V. Erofeeva i "Otricanie traura" S. Shargunova) // LITERATURA. 2016. № 58 (2).
5. Kovtun N.V. Intuiciya smerti i opyt ee perezhivaniya v pozdnem tvorchestve V. Rasputina // Narrativnye tradicii slavyanskih literatur: ot Srednevekov'ya k novomu vremeni. Otvetstvennyj redaktor Silant'ev I.V. M.: Izd-vo: Omega Print, 2014. S. 267–277.
6. Kovtun N.V. Istoriorizaciya mifa: ot "blagoslovennoj" Matery k Pylevo (ob avtorskom dialoge V. Rasputina i R. Senchina) // Vestnik OmGPU. 2017. № 4 (17). S. 81–87.
7. Kovtun N.V., Stepanova V.A. Transformaciya pogrebal'nogo obryada v pozdних rasskazah V. Rasputina // Vestnik KemGU. 2015. Vyp. 2 (62), t. 4.
8. Krasil'nikov R.L. Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza. Vologda: GUK IACK, 2007. 140 s.
9. Mihajlenko I.A. K voprosu o religiozno-eticheskikh problemah proizvodstva eksgumacii // Aktual'nye problemy prava: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, dekabr' 2016 g.). M.: Buki-Vedi, 2016. S. 149–152.
10. Moldanov E. Zlokachestvennaya biopsiya sem'i Eltyshevyh // Vse o Senchine. V labirinte kritiki. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 s.
11. Morozov S. Hroniki "potopa" [Elektronnyj resurs].
12. Motroshilova N.V. Istorija filosofii: Zapad – Rossiya – Vostok. 3-e izd. M.: "Greko-latinskij kabinet"® YU. A. Shichalina. 480 s.. 2000. Kn. 1: Filosofiya drevnosti i srednevekov'ya.
13. Pustovaya V. Isk malen'komu cheloveku // Vse o Senchine. V labirinte kritiki. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 s.
14. Senchin R.V. Na chernoj lestnice: rasskazy. M.: Astrel', 2011. 347 s.
15. Rasputin V. Proshchanie s Materoj: povesti. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 608 s.

16. Senchin R.V. Zona zatopeniya: roman. M.: Izd-vo AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2016. 381 s.
17. Senchin R.V. Sryv: proza zhizni. M.: Izd-vo AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2017. 608 s.
18. Tatarinov A.V dialoge so smert'yu // Vse o Senchine. V laboratorii kritiki. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 s.
19. Teterina E.N. Funkciya antipastoral'noj topiki v romane R. Senchina "Eltyshevy" // Vestnik slavyanskih kul'tur. 2019. T. 51. S. 196–207.
20. Frezer D.D. Fol'klor v Vethom zavete. M., 1986 S. 415.
21. YUng K.G. Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. M.: Izd-vo AST, 2019. 224 s.

About the author

Elizaveta Novikova – MA Candidate, Department of World Literature and Methods of Its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, e-mail: elisanov1991@gmail.com